

АБРАКС

The background of the cover is a dark, textured surface, possibly water or a night sky, with small white specks. Two faces are depicted: a woman with long, flowing red hair and a man with short, curly blonde hair. They are both looking directly at the viewer with serious expressions. The woman's face is positioned above the man's. The title 'АБРАКС' is written in large, white, stylized letters across the top, with some of the letters appearing to be splattered or dripping.

Лисавета Челищева

18+

Лисавета Челищева

АБРАКС

<https://litres.ru/74521958>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где вирус неизвестного происхождения превратил мужчин в одержимых похотью «похотняков», а женщин — в слепых и яростных «слепух», единственный способ выжить — не сталкиваться с ними или поставить чип.

Химе тридцать, она ведущий вирусолог безопасной зоны Спектрграда. Весь мир молится на «Абракс» — вакцину-чип, которая выжигает эмоции, но дарует иммунитет. Химе нельзя вакцину по здоровью, и её единственный способ не навлечь на себя монстров — не испытывать чувств к противоположному полу.

Всё рушится, когда в заброшенном периметре Химу ловит Ниль — харизматичный бунтарь из-за периметра.

Содержание

Встреча в Спектрграде	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лисавета Челищева

АБРАКС

Встреча в Спектрграде

ХИМА

Огромные готические двери здания Совета Спектрграда поддались с тяжелым, ржавым стоном. Я проскользнула внутрь, мгновенно прижавшись спиной к мраморной стене, и замерла, вслушиваясь в тишину грандиозного холла.

Когда-то Спектрград считался вторым по величине городом на материке после блистательного Ведасграда. Но десять лет назад Ведасград возвел вокруг себя непроницаемый барьер и полностью перестал выходить на связь. С тех пор Спектрград стал негласной столицей выжившего мира. Слухи утверждали, что именно здесь, за высокими стенами безопасного сектора, осталось больше всего незараженных. Здесь же, в строжайшей секретности, лучшие умы человечества создавали вакцину-чип.

Пройдя по анфиладе разгромленных кабинетов, я оказалась в главном архивном отделе. На одном из уцелевших столов лежала раскрытая папка из плотного пластика. Страни-

ца внутри гласила:

«Официальный регламент Совета Спектрграда на случай биогенной угрозы. Вакцина-чип «Абракс» является единственным ключом к биологической стабильности популяции. Без её вживления любые попытки эвакуации или изоляции признаны абсолютно неэффективными. Единственный способ спастись и сохранить разум — получить вакцину».

— Серьёзно? — вздохнула я про себя, чувствуя, как внутри закипает удушливое раздражение. — Как будто без вас непонятно!

Эта ярость жила во мне постоянно. Куда бы я ни пошла, каждый документ, каждый выживший, каждая строчка регламента твердили об одном: «Абракс» — твоё спасение. Весь мир сошел с ума по этому чипу. И видимо, меня уже ничего не спасет, если уж на то пошло. Для меня этот чертов чип — смертный приговор.

Я оглядела заброшенный кабинет. Сколько месяцев ушло на то, чтобы пробраться сюда сквозь развалины и патрули! Мои родители, дедушка и бабушка посвятили жизни созданию «Абракса» — препарата, который должен был стать панацеей. В научных архивах элитного сектора ходили слухи, что в здании городского Совета сохранились секретные инструкции по ликвидации последствий эпидемии. Я надеялась найти здесь четкий научный алгоритм, формулы, графики, а не этот пропагандистский сарказм.

«Может, дальше будет что-то дельное?» — подумала я,

зло смахивая серую пыль с документов.

Раньше в Спектрграде всё было иначе: чистые улицы, стерильные научные лаборатории, сытая и тихая жизнь элиты за периметром. Но вирус неизвестного происхождения искажил всё до неузнаваемости. Спасительную вакцину ученые смогли разработать лишь спустя несколько лет после начала пандемии, и за эти страшные годы заразиться успело большинство населения материка.

Вирус бил по мужчинам и женщинам совершенно поразному, разорвав общество изнутри. Зараженные мужчины превращались в безумцев, одержимых донельзя диким сексуальным влечением. Они чуяли женские феромоны и флюиды за километры, превращаясь в неутомимых преследователей. Выжившие прозвали их похотняками.

Женщины же под действием болезни полностью лишались зрения, а их тела иссыхали. Они становились агрессивными, яростными тварями, которые ориентировались исключительно по слуху и молниеносно бросались на любой, даже самый тихий звук. Их лаконично окрестили слепухами. Биологическая пропасть между полами превратилась в нескончаемый кошмар.

Вдруг мой взгляд зацепился за странную деталь. Стопки книг на полу были перерыты, а с одной из полок совсем недавно сняли несколько тяжелых фолиантов — на их месте остались чистые прямоугольники среди пыли.

Сердце пропустило удар. Похотнякам и слепухам книги

не нужны — вирус выжигал кору головного мозга за считанные часы, лишая их остатков разума. Они вообще читать не способны.

Неужели здесь, в самом сердце Совета, кто-то есть?

Я быстро засунула найденные бумаги в рюкзак и попятилась к выходу, всматриваясь в темноту коридора. Пора уходить.

Отступая спиной, я оступилась и врезалась во что-то твердое, как каменная стена. Нога соскользнула, я потеряла равновесие и полетела назад.

Черт, сейчас будет больно!

Но падения не произошло. В последнюю секунду две мощные руки мертвой хваткой обхватили меня за талию.

— Мать твою! — вырвалось у меня. Я закричала и начала отчаянно барахтаться. Если это похотняк — мне конец. У них отключены мозги, осталась только дикая физическая сила и один-единственный инстинкт.

Я извивалась, пыталась ударить его локтем, вырваться, но его хватка была железной.

— Да тише ты, пожалуйста, успокойся! — раздался над ухом хриплый, но вполне внятный мужской голос.

Я замерла. Он... говорит? Похотняки не разговаривают.

— Какая же ты мягкая... — пробормотал незнакомец, сильнее прижимая меня к себе, а его ладони прошлись по моим бедрам. — Чёрт, да ты же не заражена! Ты не слепуха.

— Отпусти меня, похотняк безумный! — рывкнула я, сно-

ва пытаюсь вырваться.

— Да не похотняк я! Хотя за свой передок не ручаюсь, — с ухмылкой ответил он.

— Господи! Да ты самый настоящий похотняк! — крикнула я.

— С чего ты взяла-то? Я же с тобой нормально разговариваю!

— Да вот с этого! — я ткнула пальцем вниз, чувствуя, как в мои ягодицы упирается внушительный, твёрдый как камень бугор сквозь его джинсы.

Парень неожиданно расхохотался. Громко и искренне.

— Извини. Я женщину уже больше года вживую не обнимал. А тут ты — живая, настоящая, трёшься об меня. Я ж не железный, реакция вполне мужская.

Я с трудом вырвалась из его объятий и отскочила на шаг, тяжело дыша и инстинктивно сжимая кулаки.

Незнакомец стоял передо мной, заполнив собой почти всё пространство между книжными стеллажами. Высокий, широкоплечий, невероятно статный. На вид ему было лет двадцать пять, не больше. Светлые волнистые локоны были очаровательно взъерошены, будто он только что небрежно провел по ним рукой, а в глубоких карих глазах прыгал живой, любопытный блеск. Мой взгляд мазнул по его лицу и зацепился за аккуратную родинку прямо над губой, а затем — за безупречно правильную линию носа. На нем был простой, плотно облегающий черный свитер, подчеркивающий

рельеф груди и плеч, и свободные брюки-карго с кучей карманов.

Черт. Я, кажется, запала на него с первого же взгляда.

В нашей безопасной зоне парней хватало. Ко мне то и дело пытались клеиться самые разные ухажеры — и военные, и ученые, и простые работяги. Но никто из них не вызывал во мне ни малейшего интереса. Они казались пресными, скучными, одинаковыми. А этот... Этот незнакомец был совсем другим. Одно лишь воспоминание о том, как секунду назад он крепко прижимался ко мне всем своим сильным, горячим телом, заставило мои щеки вспыхнуть румянцем.

Я судорожно сглотнула, пытаюсь вернуть самообладание и надеюсь, что в полумраке кабинета он не заметит, как сильно меня штормит от его близости.

— Ты еще кто такой? — я постаралась придать голосу максимум твердости, хотя сердце продолжало испуганно и часто биться о ребра.

Мне самой вообще-то тридцать лет. Я ведущий вирусолог из безопасной зоны Спектрграда, которая ежедневно копается в опаснейших биоматериалах, выделяет штаммы и хладнокровно препарирует ткани зараженных в стерильных боксах. Я взрослая самодостаточная женщина со строгим аналитическим складом ума, а не какая-то наивная девчонка, чтобы теряться и робеть перед каким-то накачанным парнем.

— Меня Нилем зовут, — ответил парень, виновато почесав затылок и обезоруживающе улыбнувшись. — Мы с дя-

дей и еще десятком выживших обосновались на старом заводе далеко за линией безопасности. Дядя послал меня сюда, в Совет, за конкретными документами. Дело в том, что мы смогли раздобыть несколько чипов «Абракс», но как, куда и по какому протоколу их правильно вживлять — никто из нас понятия не имеет. Он говорил, что здесь должна быть четкая медицинская инструкция по установке. А я в этих научных терминах и фолиантах — вообще ни бум-бум.

Он с надеждой посмотрел на меня, и в его карих глазах промелькнуло искреннее облегчение от того, что он встретил живого человека.

— А ты, судя по всему, в этом разбираешься? — добавил Ниль, покосившись на бумаги в моих руках.

— Понятия не имею, о чем ты, — соврала я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более равнодушно и отрешенно. — Я просто искала здесь укрытие от похотняков. Отпусти меня, ладно? Мне пора.

Я сделала шаг в сторону, пытаюсь обойти его, но Ниль мягко преградил мне путь, ухмыльнувшись.

— Отпустить? Ну уж нет. Серьезно, думаешь, я не заметил? — Он кивнул на мой рюкзак. — Во-первых, я своими глазами видел, как ты только что спрятала туда ту самую медицинскую книгу из архива Совета. Во-вторых... у тебя на лямке рюкзака красуется нашивка высшего медицинского корпуса Спектрграда. Так что ты определенно шаришь в этих делах, доктор.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. В полумраке заброшенного кабинета воздух, казалось, стал гуще от пыли. Я злилась на себя за неосмотрительность, а он лишь с любопытством изучал мое лицо, явно довольный своей проницательностью.

— Ладно, давай так, — нарушил тишину Ниль, скрестив руки на широкой груди. — Предлагаю сделку. Ты поедешь со мной на завод и поможешь нам правильно вживить эти чертовы чипы. А взамен я гарантирую тебе безопасность и лично доставлю тебя обратно в твою элитную зону в целости и сохранности. Идет?

— Мне нужно подумать, стоит ли вообще ехать куда-то в глушь с незнакомцем, — хмыкнула я, демонстративно оглядывая его с ног до головы, хотя сердце предательски ускорило ход.

— Ну, после того, как мы тут только что в темноте чуть не сошлись вплотную, незнакомцами нас назвать трудно, — ухмыльнулся он, и родинка над его губой соблазнительно сдвинулась. — К тому же я даже имени твоего до сих пор не знаю. Как тебя звать-то, спасительница?

— Хима.

Я должна была убедиться. Проверить его окончательно, прямо здесь и сейчас, пока между нами не встало ложное доверие. В полумраке архивных коридоров легко обмануться, а цена ошибки в этом мире — смерть или нечто худшее. Похотняки, чья нервная система сожжена вирусом, не пере-

носят ультрафиолет и яркий дневной свет. Для них солнце — физическая пытка.

Резко развернувшись, я проскользнула мимо Нилы, взбежала по полуразрушенной мраморной лестнице и вылетела в центральный атриум Совета. Это было грандиозное, некогда величественное помещение под огромным стеклянным куполом. Сейчас сквозь уцелевшие прозрачные панели каскадами падал резкий, слепящий полуденный свет.

Я встала ровно в центр этого бьющего сверху солнечного столба, задыхаясь то ли от быстрого бега, то ли от бешеного стука сердца, и обернулась.

Ниль не побежал следом. Он вышел из тени колоннады медленно, неспешно, держа руки на виду. Когда он шагнул в круг света, лучи солнца безжалостно высветили его лицо. Зрачки сузились, как у любого нормального человека, но он даже не зажмурился. Кожа не покрылась трупными пятнами, в глазах не было багровой сетки лопнувших сосудов. Он не был похотняком. Передо мной стоял настоящий, чистый, абсолютно здоровый мужчина. Настоящее чудо по нынешним временам.

— Ты невероятно красивая, — негромко произнес он. Его голос, слегка хриплый, эхом разнесся под высокими сводами. Ниль смотрел на меня с нескрываемым, обезоруживающим восхищением, чуть сощурившись от солнца. — Я красные волосы вообще первый раз в жизни вижу. Очень красиво. Извини, если напугал там, внизу. Просто за стенами

Спектрграда здоровых женщин почти не осталось. А те, кого вирус задел... ну, слепухи, они при первом же звуке или намеке на мужчину сразу впадают в дикую агрессию. Разрывают на части.

Я слушала его, и внутри меня будто истончалась натянутая до предела струна. Господи, а когда я в последний раз видела мужчину, который смотрел бы на меня так? Не сквозь призму лабораторных отчетов, не как на руководителя вирусологического сектора, и уж точно не с животным, плотоядным оскалом зараженного. В его карих глазах горело чистое, глубокое, абсолютно осознанное мужское желание.

В моей голове будто сорвало предохранители. Месяцы удушающей изоляции в стерильных боксах, бесконечные часы на грани нервного срыва, годы работы над этим проклятым «Абраксом» и вечный страх перед будущим — всё это копилось внутри тяжелым грузом и теперь разом выплеснулось наружу. Разум вирусолога, привыкший всё контролировать, просто отключился, уступая место чистым инстинктам живой женщины.

Я сделала быстрый шаг к нему, а в следующее мгновение, ведомая внезапным импульсом, буквально взлетела на него, намертво обхватив его талию ногами.

Ниль даже не пошатнулся. Он подхватил меня под бедра легко и уверенно, будто я вообще ничего не весила, плотно прижимая к своему широкому, горячему телу. Его губы накрыли мои мгновенно — сначала жадно, словно он сам до

конца не верил, что я позволяю ему, а затем с дикой, всепоглощающей и голодной страстью. Когда его язык требовательно проник в мой рот, остатки контроля окончательно растворились в этом безумном, дурманящем поцелуе. Я до боли впила пальцами в его крепкие плечи, утопая в запахе его кожи, солнца и пороховой гари, забыв обо всем на свете.

— Чёрт, Хима... — прорычал он между поцелуями, сжимая мои бедра.

Мы тяжело дышали, намертво прижимаясь друг к другу. Всё происходило на каком-то животном уровне. Я до боли впила пальцами в его плечи, а затем, ведомая безумным импульсом, рванула вверх и сорвала с него свитер, путаясь в рукавах, лишь бы ощутить его тепло. Мои ладони легли на крепкие, перекачивающиеся мышцы его спины, пальцы судорожно царапали кожу. Ниль в долгу не остался — одним движением он сдернул с меня кофту, отбросив её куда-то на запыленный мраморный пол.

Горячая кожа к коже. Это прикосновение подействовало как разряд тока. Безумное, яростное трение тел, нарастающий, рваный ритм. Между нами не было долгих прелюдий — только сумасшедший голод двух здоровых людей, вырвавшихся из лап апокалипсиса. Волна дикого, концентрированного удовольствия накрыла меня с головой, выжигая из памяти вирусы, лаборатории и страх. Я беспомощно запрокинула голову, кусая губы, и стонала прямо ему в губы, пока первая, самая мощная дрожь экстаза буквально разрывала

меня изнутри, заставляя сильнее сжимать его талию ногами. Ниль двигал бёдрами в такт, шумно и тяжело хрипя мне в шею, полностью отдавшись этому напору, пока мы оба не достигли сумасшедшего, оглушительного пика прямо так — не снимая джинсов, на разрыв аорты, посреди залитого солнцем огромного холла.

Когда всё улеглось, мы еще долго стояли, не размыкая объятий. Слышно было только наше бешеное, прерывистое дыхание, разносившееся эхом под стеклянным куполом Совета. Я уткнулась лбом в его тяжело вздымающуюся грудь, чувствуя, как постепенно остывает кожа. Намокающая ткань джинсов между нашими телами безжалостно и отчетливо выдавала всю силу нашей нетерпеливой страсти. Это было странно, влажно и до безумия остро.

— Чёрт... — Ниль досадно, как-то по-мальчишески крикнул и осторожно опустил меня на ноги. Его сильные руки дрожали. — Прости... Хим. Я кончил прямо в штаны. Вот же позорище! Что ты обо мне теперь подумаешь?

Он густо покраснел, его карие глаза растерянно забегали по сторонам, а взъерошенные светлые локоны упали на лоб. Этот грозный, широкоплечий парень, который минуту назад казался воплощением чистой маскулинности, сейчас выглядел до невозможности смущенным.

Я еле дышала, оперевшись спиной о ближайшую колонну, чтобы не упасть — колени до сих пор были ватными. Мои пальцы не слушались, пока я пыталась привести в порядок

растрепанную одежду и поднять с пола кофту. Лицо горело от обжигающего смущения, но в глубине души, сменяя остатки шока, бушевал настоящий восторг. Я была жива. И я впервые за долгие годы почувствовала себя женщиной, а не просто винтиком в системе выживания Спектрграда.

— Я подумаю, что проверка на вирус прошла успешно, — тихо, с легкой хрипотцой ответила я, не выдержав и слабо улыбнувшись ему. — Похотняки не умеют извиняться и смущаться. Так что ты абсолютно чист, Ниль.

— Меня дядя прибьет меня, если узнает, что я тут устроил, — пробормотал Ниль. Он шумно выдохнул, вытирая пот со лба скомканной майкой, и принялся торопливо поправлять ремень на брюках-карго. Его движения в секунду стали резкими, собранными, а от недавней неловкости не осталось и следа. На смену мимолетной растерянности пришла жесткая концентрация человека, привыкшего выживать за периметром. — Нам надо валить отсюда. И как можно быстрее, — бросил он, натягивая свитер обратно через голову.

— Почему такая спешка? — спросила я, застегивая куртку и на ходу поправляя лямки тяжелого рюкзака. Прилив адреналина постепенно спадал.

— Наш запах, — коротко бросил Ниль, резко сжимая мою ладонь своей широкой рукой и увлекая за собой к выходу из атриума. — Похотняки чуют секс за версту. Эту химию, флюиды, гормональный всплеск... для них это как ведро свежей крови для голодных акул. Мы тут устроили такой вы-

брос ферментов, что со всей округи похотняки уже, считай, взяли след. Если не поторопимся, они перекроют нам все выходы из квартала.

Мы почти бегом пересекли огромный холл и выскочили через боковую дверь здания Совета. На улице уже сгустились сумерки. Небо окрасилось в тревожный грязно-пурпурный цвет, а в полуразрушенных переулках начали оживать тени. На заросшем травой тротуаре, надежно укрытый под навесом старой ратуши, стоял угловатый, громоздкий силуэт. Это был массивный, обваренный стальными листами и укрепленный трубами эндуро-мотоцикл.

Я замерла, удивленно округлив глаза.

— У тебя байк? На ходу?! — изумилась я, пока Ниль перебрасывал ногу через высокое сиденье и снимал тяжелый транспорт с подножки. — В городе же жесткий дефицит, все поставки заблокированы, топливо выдают по строгим квотам даже военным в элитном секторе!

— У нас на заводе свои правила. Кое-где уцелели ручные помпы, к тому же мы успели подчистить старые хранилища и сделать запасы бензина, — ответил Ниль. Он повернулся, обхватил меня за талию и легко помог устроиться сзади него на узком кожаном сиденье. — Держись за меня крепче.

Ниль резко выжал кикстартер. Тяжелый мотор байка утробно зарычал, заставив весь корпус мотоцикла мелко задрожать. Эхо раскаталось по пустой улице, и мы с пробуксовкой рванули с места, улетаая по заброшенным, разбитым

дорогам в сторону внешней линии безопасности.

Ветер бил в лицо, мешая дышать. Вокруг мелькали разбитые витрины и брошенные остовы машин. Из-за скорости я была вынуждена намертво прижаться к широкой, мускулистой спине Нилья, обхватив руками его торс и кожей ощущая, как под черным свитером перекачиваются его мышцы. На одном из относительно ровных участков трассы, где Нилья слегка сбросил газ, я прижалась щекой к его плечу и громко, перекрикивая гул мотора, задала вопрос, который мучил меня всё это время:

— Слушай, Ниль, — громко позвала я, покрепче перехватывая его торс и прижимаясь щекой к его лопатке, чтобы перекричать гул мощного двигателя. — Сколько у вас там, на заводе, этих чипов? Из-за чего весь сыр-бор?

— Всего три штуки! — отозвался он, умело закладывая байк на повороте и объезжая глубокую воронку в асфальте. — Кое-как надыбали через перекупщиков. Партия чистая, заводская, но без медицинского регламента к ней никто прикасаться не рискует.

— Три... — я задумчиво прикусила губу. — И ты? Ты будешь в числе тех троих, кто получит чип?

Нилья коротко рассмеялся, и я почувствовала, как качнулись его широкие плечи.

— Нет. Мне эта электронная дрянь в голове даром не сдалась. А вот мой дядя на ней буквально помешался. Спать спокойно не может, всё боится сойти с ума и превратиться

в монстра. Ну и двое его старых друзей из нашей общины тоже горят желанием залезть под нож. Ради них я в Совет и потащился.

— Но почему ты сам отказываешься? — искренне удивилась я, включая привычную логику ученого. — Послушай, Ниль, «Абракс» гарантирует тебе абсолютную защищенность. Ты никогда, ни при каких обстоятельствах не станешь похотняком. Твой разум останется нетронутым. Если ты передумаешь... когда всё это закончится и ты повезешь меня обратно, я смогу провести тебя внутрь нашего периметра, в элитную зону Спектрграда. Там у меня связи. Тебе вживят чип абсолютно бесплатно, по государственной программе для мужчин.

Ниль крепче сжал рукоятки руля. Мотоцикл резко вильнул, объезжая поваленный фонарный столб.

— Бесплатно, говоришь? — в его голосе, долетевшем сквозь поток встречного воздуха, прорезалась горькая усмешка. — Это же не спасение, Хим. Это — крышка гроба, которую вы добровольно заколачиваете себе в голову! Ты послушай, что ваши верха твердят на каждом углу: «стабильность», «безопасность», «рациональное будущее»... Да это будущее конченных, выхолощенных овощей! Они хотят вживить в мозг штуку, которая просто выключит всё, ради чего вообще стоит рождаться на свет и дышать. Чтобы ты не умел искренне любить, не орал от безумной радости, не тузил кулаком по столу от ярости, когда тебя предали! Нам предла-

гают вырезать душу, чтобы спасти кожу.

— Это не просто «какая-то штука», Ниль! — возразила я. — Твой отказ от защиты — это опасный, иррациональный эгоизм! Мои дед и отец посвятили всю свою жизнь созданию этого биологического щита. Я продолжаю их дело, я знаю структуру вируса изнутри. «Абракс» не вырезает душу, он лишь стабилизирует гормональные всплески и держит под контролем лимбическую систему. А так называемая «душа», все эти бурные эмоции и страсти — с точки зрения биологии лишь хаотичный, деструктивный шум нейронов. Именно этот хаос и привлекает вирус, именно за него он цепляется, превращая мужчин в животных! Отказываясь от защиты, такие как ты ставят под угрозу безопасность всего Спектрграда!

Ниль мельком повернул голову назад, бросив на меня быстрый, пронзительный взгляд, и вдруг тепло улыбнулся. На его щеках снова показались те самые ямочки, которые так сильно контрастировали с его суровыми словами.

— Может, с точки зрения твоих умных формул и графиков ты трижды права, — громко ответил он, возвращая всё внимание темной, разбитой дороге. — Но я лучше буду каждый день рисковать жизнью здесь, за линией безопасности, где буду чувствовать этот страх, эту сумасшедшую страсть и дикую волю к жизни, чем стану ходячим трупом с глянцевой улыбкой. Чувствовать — это и значит быть живым, Хима. А всё остальное, все ваши графики без эмоций — это про-

сто смерть при жизни, растянутая на годы. К тому же... — он замолчал, и его голос стал чуть тише, едва различимый за шумом выхлопной трубы. — Если бы я вживил себе ваш хваленый «Абракс», я бы никогда в жизни не почувствовал к тебе того, что почувствовал полчаса назад в том зале. И ты, судя по всему, тоже не сидишь на этой гормональной хрени. Так почему тогда ты так яростно пиаришь эти чипы в мозг, если сама ходишь без него?

Я замерла, не зная, что ответить, а к горлу снова подступила горечь. Я сильнее прижалась к его спине, пряча лицо от ветра, и тихо, так, чтобы он точно не услышал за ревом мотора, прошептала:

«Потому что у меня нет выбора».

Я молчала, глядя поверх плеча Нилия на постепенно тающие в сумерках огни безопасного сектора Спектрграда. Там, за неприступными стенами и КПП, остался мой дом. А куда вез меня этот взъерошенный незнакомец на своем ревущем монстре, я до конца не понимала. Но его слова заставили меня задуматься. Наверное, в его сумасшедшей философии, там, на свободе за пределами чистых лабораторий, действительно была своя, особая и очень живая правда.

Я крепче перехватила руками его торс, прижалась губами ближе к его уху, чтобы встречный поток воздуха не уносил слова, и произнесла:

— Думаешь, я бы не вставила его, если бы могла?

Ниль слегка притормозил перед крутым поворотом, удив-

ленно повел плечом и громко переспросил:

— Так что мешает сделать это? Ты же у нас элита!

— Мне по здоровью нельзя, — отрезала я. — Любое операционное вмешательство может меня погубить. Мой организм просто не перенесет интеграции с девайсом. Поэтому у меня и нет «Абракса».

Мотоцикл сбросил ход. Ниль на секунду осекся, и я почувствовала, как под моими пальцами расслабились и опустились его напряженные плечи. Веселый, бунтарский блеск в его глазах, который я ловила через зеркала заднего вида, сменился искренним сочувствием.

— О как... — тихо донеслось до меня. — Прости, Хим. Я не знал.

Он поудобнее перехватил руль, всматриваясь в темнеющую впереди дорогу, и негромко добавил:

— Я, наверное, прозвучу сейчас как полный придурок, но я рад, что чипа у тебя нет. По крайней мере, ты осталась настоящим человеком, а не ходячим компьютером.

— Ладно тебе, философ на байке, — слабо улыбнулась я, и крепче сжала пальцы на его плече. — Гони уже на свой завод. Посмотрим, как вы там живете.

Ниль оторвал правую руку от руля, накрыл мою ладонь своей широкой, теплой ладонью и ободряюще сжал её. В следующий миг он резко выкрутил ручку газа, мотор взревел с новой силой, и наш мотоцикл окончательно скрылся в темноте далеко за линией безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.